
Научная статья
УДК 821.352.3
DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-203-211

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ АДЫГСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Мадина Андреевна Хакуашева¹✉, Юрий Мухамедович Тхагазитов²

^{1,2} Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия

¹ dinaarma@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-1290-6649>

² yutkhag@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5566-9156>

© М.А. Хакуашева, Ю.М. Тхагазитов, 2025

Аннотация. Статья посвящена исследованию художественных особенностей нового современного направления в национальной литературы – русскоязычной адыгской прозе, которая испытывает воздействие других культурных моделей: русской, советской, западной, восточной. Следует отметить влияние древнего, богатого мифофольклорного наследия черкесов: фольклорные элементы и структуры, ассимилируясь, превращаются в литературные образы, мотивы, сюжеты становятся структурообразующей, семиотической фигурой. Вслед за появлением романа в стихах «Мывэ лъэхъэнэ» («Каменный век») Хабаса Бештокова (1985) сформировалось целое направление современной адыгской литературы – неомифологизм, который связан с закономерностями общемирового литературного процесса. Подобный аспект определяет актуальность и новизну художественного исследования. В статье применяются методы сравнительно-исторического, структурного, художественного литературоведческого анализа. В результате исследования можно обозначить следующие выводы: кроме романа «Каменный век» Х. Бештокова появились другие прозаические произведения: «Сказание о Железном Волке» (1993) Юнуса Чуяко, «Всемирный потоп» (1994), «Ночь Кадар, или Который справа» (2009) Мухамеда Емкужа, «Вино мертвых» (2002) Нальбия Куека. К жанру повести-притчи относится «Черная гора» (1997), «Лес одиночества» (2011) Н. Куека, «Давай улетим на облаке» Юрия Шидова и др.

Ключевые слова: мифо-фольклорное наследие, неомифологизм, русскоязычная литература, билингвизм, мотивы, образы, сюжеты

Для цитирования: Хакуашева М.А., Тхагазитов Ю.М. Особенности современной русскоязычной адыгской литературы // Вестник КБИП. 2025. № 4-1 (67). С. 203–211. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-203-211

Original article

FEATURES OF MODERN RUSSIAN SPEAKING ADYGHE LITERATURE

Madina A. Hakuasheva¹✉, Yuriy M. Thagazitov²

^{1,2} Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia

¹ dinaarma@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-1290-6649>

² yutkhag@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5566-9156>

© M.A. Hakuasheva, Y.M. Thagazitov, 2025

Abstract. The article is devoted to the study of the artistic features of a new modern trend in national literature – Russian-language Adyghe prose, which is influenced by other cultural models: Russian, Soviet, Western, Eastern. It is worth noting the influence of the ancient, rich mythological and folklore heritage of the Circassians: folklore elements and structures, assimilated, turn into literary images, motifs, plots become a structure-forming, semiotic figure. Following the appearance of the novel in verse «Myve lekhene» («The Stone Age») by Khabas Beshtokov (1985), a whole trend of modern Adyghe literature was formed – neo-mythologism, which is associated with the patterns of the global literary process. This aspect determines the relevance and novelty of artistic research. The article uses methods of comparative historical, structural, and literary analysis. As a result of the research, the following conclusions can be drawn: in addition to the novel «The Stone Age» by X. Beshtokov, other prose works appeared: «The Tale of the Iron Wolf» (1993) by Yunus Chuyako, «The Flood» (1994), «The Night of Kadar, or The One on the Right» (2009) by Mukhamed Yemkuzha, «Wine of the Dead» (2002) Nalbia Kueka. The genre of the story-parable includes «The Black Mountain» (1997), «The Forest of Solitude» (2011) by N. Kuek, «Let's Fly away on a Cloud» by Yuri Shidov and others.

Keywords: mythological folklore heritage, neo-mythologism, Russian-language literature, bilingualism, motifs, images, plots.

For citation: Hakuasheva M.A., Thagazitov Y.M. Features of modern russian speaking Adyghe Literature. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 4-1 (67): 203–211. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-203-211

В современных условиях глобального культурного трансфера невозможно избежать влияния общих тенденций даже в пределах устойчивой традиционной культуры, какой еще до недавнего времени принято было считать адыгскую (эндоэтноним), или черкесскую (экзоэтноним). Кроме собственно национального социокультурного влияния, современное художественное сознание адыгских авторов испытывает интенсивное воздействие других культурных моделей: русской, советской, западной, восточной. При этом каждая из них уже не существует в «чистом виде» и может быть названа так лишь весьма условно. На этом фоне закономерно усложнилась семантика художественных текстов современных адыгских авторов.

Особенно важно влияние древнего, богатого мифофольклорного наследия черкесов. Фольклорные элементы и структуры, ассимилируясь, превращаются в литературные образы, мотивы, сюжеты, которые говорят не только языком символов, но становятся структурообразующей, семиотической фигурой.

1980–1990-е годы кризисное художественное сознание в поисках утраченной целостной картины национального космоса усиливает связи с мифом, фольклором. Оно испытывает серьезные трансформации, приближаясь к основной характеристике мифологического мышления, – его креативности, способности к литературному мифотворчеству. Так возникает роман-миф в стихах «Мывэ льэххэнэ» («Каменный век») Хабаса Бештокова (1985). Вслед за этим формируется целое направление современной адыгской литературы – неомифологизм, которое вряд ли можно рассматривать как спонтанное самостоятельное явление, не связанное с закономерностями общемирового литературного процесса.

Тенденция неомифологизма в адыгской литературе связана с появлением целого ряда художественных произведений: кроме упомянутого романа «Каменный век» (1985) Хабаса Бештокова, появились другие прозаические произведения: «Сказание о Железном Волке» (1993) Юнуса Чуйако, «Всемирный потоп» (1994), «Ночь Кадар, или Который справа» (2009) Мухамеда Емкужа, «Вино мертвых» (2002) Налбия Куека. К жанру повести-притчи относится «Черная гора» (1997), «Лес одиночества» (2011) Н. Куека, «Давай улетим на облаке» Юрия Шидова и др.

Новый литературный жанр привнес в творчество адыгских авторов сложные приемы организации художественного текста, такие как аллюзия, интертекстуальность, реминисценция, код, символ, мифологема, архетип. Поэтика нового литературного мифа отличается не только усиленной онтологической рефлексией, но

и выраженным мифофольклорным влиянием. Подобные особенности национальной литературы обусловлены не только художественным сознанием, но и авторским бессознательным, за которое, в первую очередь, отвечают мифологический и фольклорный элементы. Этой же особенностью можно объяснить преимущественно архетипический способ художественного мышления черкесов. Часть авторов художественных текстов отказывается от былых функций, столь актуальных для недавнего советского времени, – воспитательной, образовательной и т.п. Это связано с осознанием невозможности «объяснить» или даже художественно отразить «реальную действительность». Некоторые адыгские авторы тяготеют к фрагментарности сюжета, например, в упомянутых выше произведениях: романе «Вино мертвых» и повести «Черная гора» Н. Куека, что свидетельствует о влиянии постмодернизма на мироощущение автора. Главной задачей ряда современных произведений становится деконструкция как ответ на общенациональный кризис. В историческом бессознательном адыгов золотой век связан преимущественно с эпохой нарттов – аналогов атлантов: «тогда, когда все начиналось» и происходило в первый раз, когда Бог создавал свои первые творения и не было еще грозного, всепожирающего дракона Хроноса. Именно он, согласно первобытному сознанию, искривляет божественные деяния и деформирует сущности. Поиск совершенного общественного устройства и образа гармоничной счастливой личности как совокупной точки опоры побуждал создавать величественные памятники устного народного творчества. Так в каждый исторический период создавалась своя утопия. Однако в настоящее время отношение к «золотому веку нарттов» не столь позитивно и однозначно. Так, литературный метод русскоязычного адыгского писателя Джамбулата Кошубаева связан с радикальным переосмыслением художественных особенностей и нравственных категорий Нартиады. Современный кризис национальной культуры получает закономерный резонанс в его творчестве. Эволюционный этап переосмысления, низвержения прежней, неоспоримой шкалы ценностей через смеховую стихию был замечательно объяснен М. Бахтиным: «Разрушение эпической дистанции и переход образа из далекого плана в зону контакта с незавершенным событием настоящего (следовательно, и будущего) приводит к коренным перестройкам образа человека в романе (а в последующем – и во всей литературе). И в этом процессе громадную роль сыграли фольклор, народно-смеховые истоки романа» [Бахтин 1986: 422].

В романе Дж. Кошубаева «Абраг» литературные персонажи с именами своих мифологических прототипов помещаются в сюжетные рамки, соответствующие нартскому эпосу. «Проигрывая» литературный текст через мифологический сюжет, автор применяет к нему современную культурную парадигму, начиная с решения основного художественного конфликта, кончая авторскими комментариями. Поэтому у читателя остается ощущение, что перед ним – тот же старый миф, только «откорректированный» новым временем. Имена литературных персонажей служат знаками, которые позволяют соотносить опыт героев-современников с опытом «прошлых судеб» их мифологических матриц. В этом случае оказывается неминуем конфликт двух несовместимых нравственных систем, – новой, неоднозначной, сложно-структурированной, и старой, более примитивной, но и более цельной, ставящей значительный акцент на магическом. Автор придерживается определенной установки, которая исключает понятное дистанцирование от современной морали, тем самым он отказывается от обычного пафоса романтизации и героизации Нартского эпоса. Авторское отчуждение приобретает форму пародии, гротеска. Это вполне объяснимо, так как наложение современных нравственных установок на старый миф вызывает комический эффект.

Обращаясь к смеховой стихии: пародии, сатире, иронии, – Дж. Кошубаев впервые применяет метод деконструкции, который разрушает структуру почти всех нравственных концептов адыгского мифа, приводя их к своей противоположности.

Трансформируясь из фольклорного в литературный, адыгский миф в романе превращается из утопии в антиутопию. Писатель традиционен в использовании нартского героического эпоса как материала для романа, но с точки зрения метода он является постмодернистом. Роман «Абраг» относится к жанру романа-мифа, вместе с тем в истории адыгской литературы это первая пародийная антиутопия.

Повесть кабардинского писателя М. Емкужа «Всемирный потоп» соответствует определению повести-притчи, одновременно это и антиутопия. Появление жанра антиутопии кажется нам вполне закономерным в русле общего направления современной национальной литературы. Объективно существующая тенденция снижения реализуется за счет десакрализации, дегероизации, демифологизации (в творчестве Н. Куека, Ю. Чуюко, М. Емкужа, В. Мамишева), а также благодаря применению этих методов в пародийной и сатирической формах (роман «Абраг» Дж. Кошубаева). Кроме существенных трансформаций поэтики, это косвенно свидетельствует еще и о серьезных аксиологических сдвигах общественного сознания, которое впервые от идеализации «абсолютного эпического прошлого» и настоящего подошло к их критическому переосмыслению.

Кроме серьезной трансформации поэтики, формирования новых жанров, национальный кризис predetermined отчетливую тенденцию возвращения к народным корням, истокам. Одним из возможных объяснений причин кризиса явилась слабая совместимость традиционной культуры с методом соцреализма, – противоречие, которое проявилось особенно остро в последнее десятилетие существования советской эпохи. В связи с этим кажется актуальной проблематика круглого стола, прошедшего в рамках форума журнала «Вопросы литературы» (1989, № 10) «Национальные культуры и межнациональные отношения»: «Литература всегда национальна.

То же самое и сегодня происходит с понятием «интернациональное» как категориальным или просто научным. Интернационализация культуры или литературы... содержательно отпускает от себя необходимость высокого развития данной культуры и литературы, а потому и национального сознания в целом. Думается, сегодня вместо лишнего конструктивного смысла понятия интернационализации следует исповедовать идею консолидации культур, национальных литератур и национальных самосознаний... Если признать, что консолидация национальных культур и самосознаний предполагает их высшее развитие, то окажется, что именно развитие национального (а не какой-то искусственный выход за его пределы) есть единственный путь достижения общечеловеческих высот и содержание любой культуры и любого национального самосознания. К тому же само понятие консолидации (а не интернационализации) опирается на феномен культуры, а не сиюминутной политической конъюнктуры, – культуры самой по себе, культуры национального самосознания и, наконец, культуры диалога, общения народов» [Вопросы литературы 1989: 20–21].

В соответствии с новыми принципами поэтики и жанровой системы расширяются требования к методологической базе научных исследований. Для цельного постижения композиционной структуры, жанровых особенностей современных произведений требуется соответствующая новая методология, которая призвана не только понимать, но и декодировать художественный текст. Чтобы в той или иной степени отразить состояние современного сознания и окружающей действительности, художнику требуется особый шифр – знак, а исследователю – понятийный терминологический аппарат.

Дефиниция «современная русскоязычная адыгская литература» сложилась во многом спонтанно, но оказалась наиболее приемлемой для обозначения данного направления. Для сравнения подобное определение оказалось оптимальным и для РЯОЛ – русскоязычной осетинской литературы. «Только такая формулировка уточняет ее специфику: русскоязычная осетинская литература – это результат

определенного культурно-исторического синтеза... России и Кавказа, в известном смысле она возникает по поводу отношений Запада и Востока, Европы и Азии...» [Хугаев 2008: 4–5].

Тема «маленького» человека воплощалась в мировой и отечественной литературе на разных исторических этапах. Современные глобальные объективные закономерности направлены на восприятие и постижение пластических и визуальных форм искусства, в первую очередь это касается наиболее массовой ее сферы – кинематографа. Несколько десятилетий в центре внимания западной культуры находится главный герой, которого можно было бы обозначить как «социальный аутсайдер». Это класс маргинальных или асоциальных типов: мелкие жулики, представители сексуальных меньшинств, люди с пограничным состоянием психики или явными психическими расстройствами (например, главные герои фильмов «Человек дождя», «Пролетая над гнездом кукушки»). Типичный художественный конфликт, так или иначе разрешаясь, «случайно» обнаруживает значительный дремлющий потенциал «маленького» человека, снимает клише «неудачника», обнажает несостоятельность и порочность государственных институтов власти.

Образ героя-аутсайдера переместился в адыгскую литературу. Им становится маргинал, житель российского региона в постсоветское время, который впервые начинает осознавать свою экзистенциальную и социальную роль или миссию, освобождается от навязанных идейно-политических и нравственных стереотипов. Таковы, например, герои повести «Всемирный потоп» кабардинского прозаика М. Емжуа. Ничем не примечательные, а порой странные люди со своими мелкими повседневными заботами при проекции на героическое прошлое оказываются архетипическими двойниками героев, духовных лидеров или пророков прошедших легендарных времен, но при этом они «дегероизированы» и деморализованы ущербной современностью.

На закате советской эпохи собственно адыгская литература все еще достаточно уверенно обозначала рамки национального литературного процесса, на фоне которого черкесская русскоязычная литература занимала маргинальное положение. Но в последующие годы мейнстрим смещается в сторону русскоязычной литературы. В настоящее время трудно найти автора, который наряду с родным языком не владел бы русским, поэтому национальная художественная литература ныне формируется на основе билингвизма. У адыгских авторов-билингвов, пишущих на родном языке, доминирующим (или языком мышления) оказывается один из адыгских диалектов; соответственно, у русскоязычных адыгских авторов ведущим является русский. При этом часть русскоязычных авторов родным языком владеет плохо или не владеет вовсе. Таким образом, билингвизм, типичный для современных адыгских авторов, отличается нестабильностью, ибо сопровождается заметной тенденцией к деградации и утрате родного языка. Таким образом, термин «билингвизм» мы употребляем условно, потому что «двуязычие в его лингвистическом понимании требует свободного знания двух языков. Если же билингв владеет контактирующими языками не в одинаковой степени и дифференцированно пользуется ими в различных речевых ситуациях, то следует иметь в виду двуязычие в социолингвистическом толковании» [эл. рес.: cheloveknauka.com]. (Примером лингвистического билингвизма можно считать творчество Н. Куека, который писал на одном из диалектов западных адыгов и переводил свои произведения на русский.)

Автор-билингв пребывает в полифоничном многослойном языковом пространстве, различными способами синтезированном духовном мире. Именно на стыке разноразличных миров и культур, в самой нестабильной конфликтной зоне формируются порой наиболее интересные художественные произведения. К ним относится поэтическое наследие русскоязычной кабардинской поэтессы Инны

Кашежевой, яркий поэтический мир которой удивительно ограничен и вместе с тем трагически раздвоен.

Слияние двух и более культур становится повседневной современной приметой, что позволяет говорить об аккультурации как о знаковом, упрочившемся феномене: «Неслучайно сложилась точка зрения, что культура способна жить только на грани культур, в диалоге с ними, когда общение культур выступает как их взаимное порождение [Бахтин, Библер, Бубер, Сорокин]. При этом происходит не только передача-прием сформированных смыслов, но и совместное смыслосозидание, то есть то, что Р. Барт называл «текстом культуры», Ю. Кристева – «интертекстуальностью», а Ж. Женетт – «палимпсестом» (в значении: текст, пишущийся поверх иных текстов)» [Мурнаева 2016: 16].

Следует различать понятия общего и художественного билингвизма. Очевидно, билингвизм национальной литературы, как и феномен национального писателя-билингва, может возникать только «при контактировании языков, которому предшествуют социально-экономическое общение и длительное сосуществование двух народов, говорящих на разных языках», и если «билингвизм – это результат межкультурного взаимодействия различных культур народов, одна из форм адаптации совершенно иной или родственной языковой культуры...» [Багироков 2005: 31], то «феномен художественного билингвизма проявляется прежде всего в том, что на основе взаимодействия двух языков и культур создается оригинальное творчество» [Туксоитова 2007: 31].

Сложный процесс транслингвизма (художественного билингвизма) конкретизируется в работе Л. А. Каракуц-Бородиной: «Транслингв сталкивает в своих произведениях единицы разных языков, и новые единицы (транслингвемы) органично инкорпорируются в систему идиостиля, в то время как иноязычные элементы в текстах писателей-монолингвов всегда остаются инородными. Транслингвемы имеют особую природу: они являются отражением бикультурного видения мира и проявлением бессознательного начала... служат конструированию новой реальности» [эл. рес.: cheloveknauka.com].

Современный транслингвизм формирует новую, более важную особенность современного художественного сознания, так называемое «бинокулярное» зрение, позволяющее оценивать и воплощать художественный взгляд как изнутри, так и извне национального космоса. Художественный билингвизм современных адыгских писателей, основывающийся на нескольких культурных моделях или кодах, включает в качестве источника доминирующего художественного влияния, в том числе, произведения мировой литературы, что обуславливает наличие интертекста, и побуждает исследователей апеллировать ко множеству соответствующих источников. Идею необходимости различий как прецедента, генерирующего как когнитивный, так и сугубо индивидуальный процесс художественного сознания, подчеркивает А.М. Гутов: «Различия заложены... для познания неведомого, отличного от того, что знакомо и понятно. Значит, жизнь, многообразие ее проявлений и само познание взаимообусловлены. Не знать друг друга и не быть познаваемым – это то же, что не существовать, а для знания важно иметь различия» [Гутов 2011: 62–63].

Определение идентичности художественных произведений с точки зрения языковой соотнесенности раскрывает другое противоречие. Художественные переводы на русский язык, как известно, являются аналогами оригиналов и причисляются к той же национальной литературе, которой принадлежит сам оригинал. Следуя же логике языковой идентичности, русские переводы должны относиться к русской литературе (тогда как оригиналы – к соответствующей национальной).

На одной из переделкинских встреч, организованной журналом «Дружба народов» в 2007 году, при обсуждении проблемы идентичности художественных произведений от участника форума И. Абузярова прозвучало предложение

исходить из авторского принципа самоидентификации, а после смерти писателя руководствоваться объективными особенностями его творчества [Дружба народов 2008]. Возможно, в решении этой проблемы требуется учитывать всю совокупность объективных и субъективных факторов.

Современная русскоязычная адыгская литература представляет собой сложный, неоднородный феномен, в котором сосуществуют произведения с ярко выраженным национальным компонентом и те, которые смело могут быть отнесены к произведениям постсоветской российской литературы без заметной национальной манифестации. Например, роман М. Емкужа «Ночь Кадар, или Который справа» подчинен сугубо адыгской тематике, в ее основе – типичные мифофольклорные мотивы. Художественные произведения Вл. Мамишева, А. Макоева принадлежат адыгской литературе лишь с учетом сюжетных деталей, реминисценций, следов. С таким же успехом можно говорить об условно национальном характере ряда других художественных произведений северокавказских литератур, в частности повести «Синь» современного осетинского прозаика Д. Бугулова. Главный герой вспоминает о «зеленом городе», в котором лишь некоторые посвященные могут распознать Владикавказ. Этничность русскоязычной литературы Северного Кавказа варьируется в широком диапазоне – от ярко выраженной до латентной, почти непросматриваемой. Но при этом «русскоязычная проза северокавказских писателей... представляет собой исключительный акт поликультурной коммуникации, вбирающий этнокогнитивный характер северокавказской культуры, выраженный с помощью интертекстуальных знаков и приемов... формирующий современную языковую картину мира» [Мурнаева 2016: 88–90].

Критерий этничности является лишь особым маркером, адресом, свидетельствующим о специфике национальной культурной почвы, особой укорененности в ней, истоках происхождения того или иного художественного произведения.

Одной из актуальных проблем национальных литератур Северного Кавказа, в том числе адыгской, остается проблема художественного перевода. Советская переводческая школа перестала существовать после 1990-х годов. Но несмотря на общий высокий уровень переводной литературы, даже лучшие ее образцы грешили этнографическими, точнее, психоэтнографическими несоответствиями, очевидными лишь для носителей аутентичных культур. Поэтому насущным становится вопрос обучения переводчиков из национальной среды. Решение этого вопроса возможно только на общероссийском уровне, например, путем выделения целевых мест на переводческом отделении Литературного института им. А.М. Горького.

В системе важнейших координат художественных произведений современной адыгской литературы можно определить новое, чаще глубоко драматическое видение исторического прошлого и будущего своего народа, роли личности в новом мире. Появляется и актуализируется новая шкала этических и эстетических ценностей, значительно усиливается постмодернистская чувствительность и экзистенциальное восприятие, которые инициируют темы абсурда, неприкаянности и одиночества, ощущения расколотого времени, пространства, общей мировой дисгармонии, усиление апокалипсических мотивов. Для отражения насыщенной картины изменившегося мира и художественного сознания современные писатели вынуждены находить иные, значительно более сложные формы художественного дискурса, который унифицируется с мировыми тенденциями и приобретает черты, свойственные произведениям современной мировой литературы. Это доказывает универсальный принцип развития национальных литератур, в частности, доминирование мифопоэтики. Такие общие типологические сходжения кажутся отнюдь не случайными: в них проявляются некие общие универсальные закономерности мирового литературного процесса. В рамках обширной жанровой системы роман остается наиболее чутким синтезатором, способным отразить

семантический диапазон художественного национального сознания, поэтому вряд ли приходится говорить о «кризисе больших нарративов» в поле современной русскоязычной адыгской литературы. По словам Т.С. Элиота, роман всегда был «выражением века, не утратившего еще собственных форм настолько, чтобы появилась нужда вводить его в какие-либо рамки» [Элиот 1988: 57]. Большой нарратив был и остается «эстетической реальностью», творимой художником. «Роман не просто сложившаяся, на века установившаяся форма, так как его жанровая «канонизация» действительно означала бы его конец... В первую очередь жизнеспособность романа связывается с его постоянной возможностью и способностью к обновлению литературной формы и языка романной прозы... Со временем возникло представление о том, что понятие жизненной правды шире, чем реализм, и многие другие методы: романтизм, натурализм, наконец, модернизм, – каждый по-своему раскрывает различные стороны действительности, многообразной и не до конца познанной. Теория реалистического романа подвижна, как и богатейшая практика не отстающего от развития мира и человека искусства слова, она развивается, обогащается, разрушая догмы дефиниций и узость критериев, и приобретает... разнообразные, порой уникальные формы» [Абакарова 2005: 57–58].

Несомненно и то, что унификация литературного процесса осуществляется посредством русского и английского языков, открывающих доступ к глобальному информационному пространству. Русскоязычная адыгская литература, интегрировавшая элементы художественных методов мировой литературы, достигает нового уровня в средствах выражения национального образа мира и сознания. Однако эта ситуация представляется нам относительно нестабильной, и в условиях постепенного нивелирования родного литературного языка кажется неизбежной утрата национального художественного своеобразия, если только не будет принята серьезная попытка к реформированию национальных языков на государственном уровне.

Список источников и литературы

- Абакарова 2005 – *Абакарова О.М.* Современная русскоязычная проза Кабардино-Балкарии: поэтика стилей и жанров. Канд. дис. Нальчик, 2005.
- Багиров 2005 – *Багиров Х.З.* Билингвизм: теоретические и прикладные аспекты (на материале адыгейского и русского языков). Автореф. дисс. ... д-ра. филол. н. / 10.02.19 – Теория языка. Краснодар 2005.
- Бахтин 1986 – *Бахтин М.М.* Эпос и роман (О методологии исследования романа) // Бахтин М.М. Литературно критические статьи. М.: Художественная литература, 1986.
- Гутов 2011 – *Гутов А.М.* Константы в культурном пространстве. Нальчик, 2011.
- Вопросы литературы 1989 – Национальные культуры и межнациональные отношения // Вопросы литературы. 1989. № 10.
- Мурнаева 2016 – *Мурнаева Л.И.* Интертекстуальность в современной северокавказской русскоязычной прозе. Дисс. ... канд. филол. н. (на правах рукописи). Пятигорск, 2016.
- Дружба народов 2008 – Размыкание пространства. Переделкинские встречи – 2007 // Дружба народов. 2008. № 4.
- Туксаетова 2007 – *Туксаетова Р.О.* Речевая толерантность в билингвистическом тексте (на материалах русскоязычной казахской прозы и публицистики): Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук / 10. 02. 01. Екатеринбург, 2007.
- Хугаев 2008 – *Хугаев И.С.* Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы. Владикавказ, 2008.
- Элиот 1988 – *Элиот Т.С.* «Улисс», порядок и миф // Иностранная литература. М., 1988. № 12.
- Эл. рес.: <http://cheloveknauka.com/bilingvizm-teoreticheskie-iprikladnye-aspekty#ixzz4i03hBW3e>
- Эл. рес.: <http://cyberleninka.ru/article/n/translingvizm-i-yazykovaya-igra-na-materiale-proizvedeniy-v-v-nabokova-1#ixzz4i6De4f34>

References

- ABAKAROVA O.M. *Sovremennay russkoyazichnay proza Kabardino-Balkarii* [Modern Russian-language prose of Kabardino-Balkaria: poetics of styles and genres. Candidate of Dissertation]. Nalchik, 2005.
- BAGIROKOV H.Z. *Biligvizm: teoreticheskie I prikladnie aspekti*. [Bilingualism: theoretical and applied aspects (based on the material of the Adyghe and Russian languages)]. 02/10/19 – Theory of language. Abstract of the dissertation for the degree. Doctor of Phil. sciences. Krasnodar 2005.
- BAKHTIN M.M. *Epos I roman (o metodologii issledovaniya romana)*. [Epic and novel (On the methodology of novel research)] // Bakhtin M. M. Literary critical articles. M.: Fiction, 1986.
- GUTOV A.M. *Konstanti v kulturnom prostranstve* [Constants in the cultural space]. Nalchik, 2011.
- Nacionalnie kulturni I mezhnacionalnie otnosheniya* [Round table: «National cultures and interethnic relations»] // Vop. lit. M., 1989, No. 10.
- MURNAEVA L.I. *Intertekstualnost v sovremennoy severokavkazskoy russkoyazichnoy proze* [Intertextuality in modern North Caucasian Russian-language prose]. Dissertation ... for the academic degree. cfn (on the rights of the manuscript). Pyatigorsk, 2016.
- Razmikanie prostranstva. Peredelkinskie vstrechi* [The opening of space. Peredelkin meetings] – 2007 // Friendship of Peoples, Moscow, 2008, No. 4.
- TUKSOITOVA R.O. *Rechevaiv tolerantnosty v bilingvisticheskom tekste* [Speech tolerance in a bilingual text (based on materials from Russian-language Kazakh prose and journalism)]: Abstract. Dissertation of the Doctor of Philology on spec. 10.02.01. Yekaterinburg, 2007.
- KHUGAEV I.S. *Genesis I rasvitiye russkoiazichnoi osetinskoi literature* [The genesis and development of Russian-language Ossetian literature]. Vladikavkaz, 2008. Eliot 1988. T.S.
- ELIOT T.S. «Ulysses», *poriadok i mif* [«Ulysses», order and myth] // Foreign literature. Moscow, 1988, No. 12.
- EIEKTR. RESURS. Email address: <http://cheloveknauka.com/bilingvizm-teoreticheskie-prikladnye-aspekty#ixzz4i03hBW3e>
- EIEKTR. RESURS. Email address: <http://cyberleninka.ru/article/n/translingvizm-i-yazyko-vayaigra-na-materiale-proizvedeniy-v-v-nabokova-1#ixzz4i6De4f34>

Информация об авторах

М.А. Хакуашева – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардинской литературы;

Ю.М. Тхагазитов – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы.

Information about the authors

М.А. Hakuasheva – Doctor of Science (Philology), Leading Researcher of the Kabardian Literature Sector;

Y.M. Thagazitov – Doctor of Science (Philology), Leading Researcher at the Kabardino-Circassian Literature.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.09.2025; одобрена после рецензирования 30.11.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 09.09.2025; approved after reviewing 30.11.2025; accepted for publication 15.12.2025.